

Министерство образования и науки Российской Федерации

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра русской и зарубежной литературы

**Понятие «судьба»
в идейной структуре романа В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба»**

АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ

Студента 4 курса 411 группы
направления подготовки 45.03.01 – Филология
Института филологии и журналистики

Кажуро Дмитрия Валерьевича
фамилия, имя, отчество

Научный руководитель
профессор, к.ф.н., доцент

должность, уч. степень, уч. звание

Зав. кафедрой

зав. кафедрой, к.ф.н., доцент

должность, уч. степень, уч. звание

подпись, дата

подпись, дата

Л.Е. Герасимова

инициалы, фамилия

Ю.Н. Борисов

инициалы, фамилия

Саратов 2016 год

Введение

Роман В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба» широко исследовался в различных аспектах. Тщательнее всего, на наш взгляд, проанализированы политический и военный пласты романа: это статьи Г. Бёлля, Г. Свирского, И. Золотусского, В. Лакшина, М. Липовецкого, К. Штедке, исследования С. Липкина, А. Бочарова, В. Оскоцкого, Б. Ланина, Л. Люкса, И. Ничипорова. Менее всего, на наш взгляд, было обращено внимание на метафизический пласт романа. При таком ракурсе многие проблемные философские вопросы в романе Гроссмана выходят за рамки сюжетного движения и требуют отдельного пристального изучения. Поэтому мы надеемся, что выпускная квалификационная работа «Понятие «судьба» в идейной структуре романа В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба» будет обладать **исследовательской новизной**.

Актуальность выпускной квалификационной работы обусловлена дискуссионностью изучения романа «Жизнь и судьба» и недостаточным вниманием исследователей к метафизическому слою романа.

Цель данной работы – произвести анализ понятия «судьба» в общей структуре мотивов романа, реконструировать взаимосвязь идей, образующих метафизический пласт произведения, показать способы их художественного воплощения.

Объект исследования – понятие «судьба» в идейной структуре романа Гроссмана «Жизнь и судьба».

В предмет нашего **изучения** входят *понятие и образы судьбы* в романе, *модели мира, концепция истории, нравственные проблемы*, рассмотренные в метафизическом ракурсе.

Основными **задачами работы** являются:

- определение границ понятия «судьба» для Гроссмана в период написания второй части дилогии;
- анализ моделей мира, конструируемых в умах героев;
- интерпретация концепции истории;

- анализ нравственных проблем в их связи с темой судьбы;
- выявление художественных средств воплощения жизни и судьбы в романе.

Материалом исследования стал текст романа В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба». В качестве дополнительного материала мы использовали текст романа «За правое дело», воспоминания С. Липкина и А. Берзер, монографии и статьи, посвящённые анализу романа «Жизнь и судьба».

Выпускная квалификационная работа состоит из введения, одной главы («Понятие «судьба» в системе метафизических и нравственных категорий романа В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба»), разделённой на параграфы («Понятие «судьба», «Противостояние жизни и судьбы», «Судьба как часть моделей мира», «Формы судьбы в романе», «Метафоры жизни», «Участь и выбор человека», «Человек в столкновении с судьбой», «Опора – внутри души») и подразделы (параграф «Формы судьбы в романе» членится на «Слепой безличный фатум», «Персонифицированный фатум», «Судьба-рабство. Формы рабства», «Судьба-смерть. Образно-смысловой ряд»; параграф «Опора – внутри души» членится на «Любовь», «Нравственная ответственность (чувство вины)», «Материнство», «Дурья» доброта», «Внутренняя «кваиня» человека»), заключения и списка использованных источников

Основное содержание работы

В выпускной квалификационной работе «Понятие «судьба» в идейной структуре романа В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба» приводится лингвистическое и культурологическое толкование понятия «судьба», реконструируется авторское представление о судьбе путём создания частотного словаря для контекстных употреблений этого слова, анализируется метафорически-образный ряд в романе, связанный (с) понятием «судьба». Судьба рассматривается в отношениях постоянного противоборства с Жизнью.

Понятие судьбы в романе Гроссмана тесно связано с понятием о мире и с теми фундаментальными идеями, которые его формируют. Прежде всего,

судьба человека зависит от того, какую модель мира он выстраивает в своём сознании, и в соответствии с законами этого смоделированного мира он пролагает свой жизненный путь, совершает поступки, закономерные при том или ином представлении о мироустройстве. Исходя из этого, в работе анализируются наиболее проблемные модели мира в романе в их связи между собой (модели Чепыжина, Эйхмана, Каценеленбогена). В каждой модели заявляется тема судьбы-будущего всего человечества и общим для всех конструктов мира является принцип построения мироздания на основании логических выводов разума. Это определяет этически-гуманную неоднозначность каждой теории и ведет к дегуманизации модели. Обнаруживается пагубное воздействие «мировых идей» на разум человека, преобладание в каждой модели сухо-абстрактного отношения к человечеству взамен живого человеческого чувства. Модель мира, созданная поражённым идеей схоластическим разумом, становится самокабалением человека. Ответом на принцип «разумного» (а по существу идеологического) отношения к человеку даны в романе размышления Иконникова о Добре, где подлинное добро увидено извращённым и распадающимся на множество обособленных идеологических добродетелей, непримиримо признающих только добро своей идеологии и ведущих борьбу со всеми, кто за её границами. По Гроссману, одинокий разум, без сотрудничества с моралью и человеколюбием не может принести человечеству блага.

Таким образом, линия судьбы человека тесно взаимосвязана с его взглядом на мир и той мировой идеей, что этот взгляд обосновывает. Мир вокруг человека определяется его сознанием, однако не всё в мире зависит от него. Этому противодействует судьба-фатум.

У неё несколько метафорических форм в романе. Прежде всего, это *слепой безличный фатум истории*, поданный Гроссманом в образе «квашни», перемешивающей и вращающей людские жизни в глобальном социально-историческом потоке и определяющей сынов и «пасынков» времени. Огромное место в романе отведено также и *фатуму, персонифицированному в образе государства и его вождя*. Тоталитарное государство очень часто сравнивается

с гневным и властным божеством, которое контролирует людские жизни самыми разными способами: аппаратом насилия, идеологией, бюрократизмом. Покорное следование принуждениям судьбы (во всех её формах) воспроизведено в ключевой для романа метафоре «судьба-рабство». Она, в свою очередь, также имеет в романе несколько форм:

- рабство у превосходящих сил (зависимость от слепого фатума; рабство воли);
- рабство у государства;
- рабство у идеологии или мировой идеи (рабство ума);
- рабство в самой природе (рабство тела).

Последнее является рабством у смерти, рабством жизни в мире неживой материи. Таким образом, антиномия «жизнь и судьба» становится синонимичной антиномии «жизнь и смерть», что неизбежно ведёт к ещё одному толкованию судьбы как смерти. *Судьба-смерть* на идейном уровне осмыслена как самое неотвратимое и максимально предопределённое в жизни человека. На образном уровне – передана через размышления о рабстве мёртвой органики.

На основе такого метафорического определения границ понятия «судьба-фатум» для Гроссмана формируется художественное воплощение судьбы в романе на уровне символов и образов.

Статика в романе символизирует *судьбу-смерть, судьбу-заточение*.

Прямизна, прямолинейность символизирует *неотвратимость* судьбы.

Схема символизирует *искусственность, противоестественность* судьбы.

Автоматизм и заданность символизируют *бездушные* судьбы.

Бездушные – самый широкий символ, он покрывает весь уже названный образный ряд, связанный со словом «судьба». Исключительно его в романе выражают *математичность сознания и чувствования* (жестокость Гитлера

названа «математической» (365)) и *статистический метод* как обоснование этого математизма и руководство к действию.

Жизнь также истолковывается Гроссманом обширно метафорически. В контексте всего романа жизнь – это сокрушающий любые структуры и рамки полноводный речной поток – символ свободы. Этот образ также реализуется в соотношении сухого умственного представления о жизни и жизни действительной. Жизнь разбивает теорию, встряхивает человека, не даёт ему застыть в его судьбе. Метафора жизни имеет и другие образные компоненты. Таковы многообразие и неповторимость. С метафорой жизни связаны в романе мотив прекрасного и мотив непобедимости жизни и свободы, а также мотив освобождения благодаря силе правдивого, умного слова.

Соотношение жизни, свободы и смерти – сквозной мотив романа. От того, как понимается человеком смерть, зависит его жизнь и его судьба: смерть как наказание и высший ужас, и смерть как способ сохранения человечности и освобождения от рабства у превосходящих сил. Жизнь, принесённая в жертву человечности – это одно из высших проявлений свободы в человеке, это своего рода духовная победа над рабством. Однако Гроссман видит в этом тяжесть и горечь подлинной жизни и свободы.

Тема смерти как жертвы тесно смыкается в романе с темой судьбы-участи. Участь – это историческая предопределённость, не зависящая от человека и судившая ему родиться именно в эту многотрудную эпоху, трагичность выпавшего на долю человека времени: в романе Гроссмана это кровавая эпоха, война. Судьба-участь – это также непоправимость жизни, это то, как складывается судьба человека в котле истории (судьбы Веры, Людмилы Штрум).

Тем не менее, на протяжении всего романа автор даёт понять, что судьба человека – это и то, что ему досталось, но это и выбор человека (судьбы С. Левинтон и А. Штрум). Все примеры стойкости в романе – это «*участь человека в нечеловеческое время*» (курсив мой – Д.К.) – знаменитая формула, которой Гроссман меряет своих героев и воплощением которой является мать писателя, чью судьбу повторяет в романе Анна Штрум.

«Петля судьбы» (Л. Аннинский), связавшая и поломавшая жизни Крымова, Новикова и Жени, иллюстрирует неизбежную закономерность между поступками человека и его участью. Несмотря на неподвластные воле человека законы мироздания и процессы истории, роль его в предопределении своей судьбы всё же велика.

Часть героев различает предопределённость жизненного пути государственным строем и предопределённость высшими силами. Эти люди не готовы склоняться перед первым. В противовес обобщённой судьбе миллионов покорных людей индивидуальные судьбы – это то, что складывается из давящей силы извне и сопротивляющейся ей внутренней силы («спортивная злость» Ершова в борьбе, 8 минут Новикова, протест Иконникова).

Богатство внутреннего мира влияет на способность человека принимать «человеческие» решения в столкновении с исторической неизбежностью. В романе дано несколько факторов, заложенных в природе человека, которые в «час судьбы» помогают человеку сделать верный выбор: любовь, нравственная ответственность, материнство, «дурья» доброта. Всё это глубоко родственные движения человеческой души, с трудом отделимые друг от друга.

Гроссман не раз на страницах романа смотрит на богатство внутреннего мира человека как на целое мироздание. Он как бы переносит внешнюю модель мира, «квашню» истории внутрь души человека. Конфликт ума и сердца, обозначенный в романе через столкновение трёх мироконцепций – Чепыжина, Каценеленбогена и Иконникова, – в свете идеи душевной «квашни» оказывается не столь однозначным. Не просто схоластический фанатический разум губит подлинную Жизнь – в самой природе человека есть то, что гипнотизирует разум. В человеке всегда живёт, помимо инстинктивной доброты, и инстинктивное зло, и лишь поступки – как результат борьбы нравственного чувства с первобытными порочными импульсами – в людской власти... Фашизм для Гроссмана – это не столько политическое явление, сколько внутренняя одержимость человека. Фашизм распространяется не только на его немецких представителей, он возможен в душе каждого.

Размышляя об этом, Гроссман приходит к идее о том, что «внутренняя квашня» человека влияет на внешнюю, глобальную «квашню» истории. По Гроссману, мировая история движется не слепым роком, а делами множества людей, каждый из которых носит в себе «квашню» души. Мировые идеи, брошенные в умы этого множества, порождают искусственную, но согласно идее, вполне справедливую модель мира, по которой это множество людей стремится перековать мироздание. Одержимость ума идеей рождает фанатизм: в непримиримой борьбе за своё идейное, «поголовное» добро человек ожесточается, в «квашне» его души вздымаются низменные инстинкты – и когда побеждает «фашизм», человек умирает. Но фашизму, мировому злу, злу глобальных идей (среди которых и тоталитарная идея) никогда не победить, потому что в человеке заложена та человеческая суть, которая до конца не исчезает во внутренней «квашне», а лишь таится до времени под взошедшими на поверхность наносными шлаками духовных заблуждений. И как только тьма в человеке и человечестве сгущается невообразимо, достигает критической степени, внутри человека возникает глубинная реакция потаённой человечности-доброты, которая даёт новую фазу брожения и заново перемешивает духовную кашу. И человечество, мировая «квашня» истории, перенимает это бурление и восстанавливает жизнь и доброту на Земле.

С Судьбой человек не просто противоборствует вовне – она действует внутри него. В душе человека не один лишь залог противостояния судьбе. Сам источник судьбы – его внутренний мир. Человек, прежде всего, вынужден сопротивляться внутренним враждебным силам, заложенным и возникающим в нём самом. Жизнь и судьба, таким образом, это не только и не столько взаимопротивостоящие силы, сколько своеобразное диалектическое единство, выраженное в образе душевной «квашни». Это сближает идею Гроссмана с представлениями Достоевского и Солженицына о добре и зле в сердце человека. Диалектическое единство жизни и судьбы в романе также выражается в противоречивости каждой из них.

Судьба возникает в романе не только как отрицательная губительная сила. В ней также заложен некий позитивный смысловой потенциал для охвата человеческим опытом. В какой-то момент судьба понимается Гроссманом как «испытание души» человека.

Любовь, чувство вины, материнские чувства, дурья доброта – это те ингредиенты внутренней «квашни» человека, которые, рождаясь от столкновения с нечеловеческим ужасом всего тёмного в душе, дают новый замес духовной каше, поддерживают внутреннюю опару в постоянном движении и бурлении, не позволяют застыть в человеке всему дурному, поднятому на поверхность мировой судьбой и катастрофическим для человека моментом истории.

Особую роль в этих процессах играет осознание своего бессилия.

В бессилии человека рождается его человеческая сила, сила не нападения, а защиты, противостояния жестокой губительной судьбе. Этот взгляд на природу человеческой души рифмуется в романе Гроссмана с подвигом русского народа в Великой Отечественной войне, народа, истерзанного тоталитарным государством, но сумевшим отстоять своё Отечество от вторжения многократно превышающего его по силе врага. Отстаивание своего духовного Отечества, т.е. права называться человеком, получает огромное смысловое и метафорическое значение на страницах романа «Жизнь и судьба». Внутренний враг народа в этом случае – тоталитарное государство. По логике идей Гроссмана, борясь с внешним врагом, человек на самом деле одновременно борется с внутренним врагом, выковыывая тем себе свободу от обоих. Этот конфликт решён в романе как на уровне макромира истории, так и на уровне микромира человеческой души. Сквозь всё противоречивое брожение внутренней «квашни», обозлённый мировыми идеями, взбудоражившими звериную силу в нём, человек необходимо должен пробиться к внутреннему бессилию, бессилию «дурьей» доброты, чтобы победить в себе звериного человека. Здесь вступает в силу христианская парадоксальность и диалектизм.

Через такую интерпретацию жизни и судьбы Гроссман интуитивно угадывает то, к чему всю жизнь духовно двигался Достоевский в своём богоиска-

тельстве. Христос – выражение высшей свободы (свободы духа, свободы от греха), и человек, жаждущий этой высокой свободы, всегда стремится ко Христу, потому что в нём, в самом человеке есть залог осуществления, возможности этой свободы – бессознательная, безыдейная, инстинктивная доброта, она и есть частица Божья в природе человека, частица Божественной свободы. Гроссман не называет её так, но лишь это «неназывание» отдаляет его всего на шаг от полного прозрения, от постижения тайны мира и человека. Гроссман «ходит кругами» возле этого осознания. Он говорит, что стремление человека к свободе неуничтожимо коренится в его природе, что доброта, глупая, неразумная доброта не даёт человеку до конца ожесточиться, окончательно перевернуть и подменить подлинные ценности даже под влиянием сверхнасилия мировых идей, что сила этой дурьей доброты в бессилии, отчего ей не грозит опасность стать оружием зла, ведь зло всегда подстерегает человека, который ощущает свою силу, своё превосходство в чём бы то ни было. А доброта бессильна и не делает человека сильным, она лишь делает его человеком. Гроссман говорит, что «дурья доброта это высшее, чего достиг дух человека», но что в остальном человек ещё очень не свободен от зла в нём, в человеке не изжиты и тёмные инстинкты. Гроссман приближается к религиозному мышлению в своём представлении о мире и человеке.

Заключение

В настоящей работе мы стремились рассмотреть понятие «судьба» в мотивной структуре романа Гроссмана «Жизнь и судьба». Состав идей и мотивов произведения, по большей части вскрытый исследователями, получает новое освещение при рассмотрении его с экзистенциально-философских позиций. В таком ракурсе композиция романа обнаруживает не последовательно-логическое строение, а сферически-целостное, и позволяет по-новому взглянуть на то, как соединяются у Гроссмана идея и её художественное воплощение. Судьба в романе Гроссмана в таком случае становится одним из самых существенных компонентов идейной структуры.

Понятие и образ судьбы постепенно усложняются в романе. Метафорическая интерпретация этого понятия у Гроссмана чрезвычайно широка: судьба многогранна, многолика, теснейшим образом связана с моделями мира, «мировыми идеями». Образ судьбы неоднозначен и противоречив, Гроссман показывает диалектичность понятия «судьба» в столкновении с жизнью. Само это столкновение в романе не односторонне-прямолинейно, а амбивалентно.

В романе по преимуществу речь идёт о судьбе человека в тоталитарном государстве, однако этим проблема судьбы не исчерпывается. Развёрнутая метафорическая цепь интерпретаций понятия «судьба» извлекает универсальный для романа конфликт свободы и насилия из рамок тоталитарного пространства и выводит его на общий экзистенциальный уровень. Среди таких интерпретаций судьбы: слепой безличный фатум истории, судьба-рабство, судьба-смерть.

Автор осмысляет не только многоликость судьбы, но и уходит вглубь человека, стремясь раскрыть подлинный смысл его взаимоотношений с судьбой. Познание Гроссманом метафизики бытия (Судьбы и Мироздания) – это по сути познание им человека. Экзистенциально-философский конфликт романа воплощается и как духовно-нравственный. Гроссман переносит модель мироздания и истории на душу человека.

По Гроссману, залог победы Жизни над Судьбой это то, что зиждется в душе человека: любовь, нравственная ответственность, которая в романе приобретает тяжкую форму чувства вины – в настоящем и прошлом, – материнство, «дурья» доброта.

Гроссман включается в мировой спор о борьбе Добра и Зла в мире. Его вариантом заведомой победы добра является идея о «дурьей» доброте в природе человека. Это понятие близко к христианским представлениям, но не тождественно им. «Дурья» доброта – залог неискоренимости свободы в природе человека.

Исходя из представлений о свойствах «дурьей» доброты, Гроссман осмысляет такой парадокс, как «сила в бессилии». Это для него эталон нрав-

ственного самочувствия, душевного состояния человека. Это обращение внутрь себя, самоанализ и самокритика.

Огромное значение в связи с проблемой судьбы приобретает в романе сквозной для всей диалогии образ «квашни». Принцип «квашни» внешне выражен у Гроссмана тем, как различные социальные слои, взбудораженные мировыми идеями, одновременно поднимаются и опускаются в истории. Через это Гроссман осмысляет внутренний мир человека, его душу. Таким образом, роль судьбы в системе моделей мира и истории осознана Гроссманом в столкновении сразу двух уровней: внешнего (бытийного) и внутреннего (духовного), – причём значительный приоритет в степени судьбоносности отводится второму. Судьба – это борьба с внутренним «инстинктивным человеком», замаскированным мировыми идеями и тоталитарным обращением с ним – внутренняя выработка судьбы. На основе этого тезиса автор переосмысляет судьбу как благотворное *испытание души* человека. Оба эти положения сближают концепцию Гроссмана с религиозным пониманием судьбы.

В своей работе мы старались показать художественные средства выражения основных идей романа. Этой цели служит обнаружение различных сюжетных параллелей, выявление мотивов, символических образов в разных вариантах, композиционных повторов и метафор. Кроме того, среди прочих средств выражения художественности романа особо следует назвать лирико-философские отступления автора. Они не противоречат поэтике эпопеи, не повторяют художественное воплощение идей, а взаимодействуют с ним. Пронизанность эпической ткани повествования лирическим авторским чувством определяет особую жанровую структуру произведения. «Жизнь и судьба» – это эпопея с сильным лирическим началом.